

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ / МИХАИЛ ГУНДАРИН

ФАЗИЛЬ

ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ БИОГРАФИИ

Издательство

АСТ

Москва

Оглавление

Предуведомление	11
Глава первая. Его Абхазия	19
Горы, море, греки, римляне, турки...	19
Под двуглавым орлом и красным знаменем	24
<i>Диалог авторов</i>	31
Глава вторая. Семья и родня Искандера	35
Персидские мотивы	35
Гостья с гор	45
Вечный праздник	50
<i>Диалог авторов</i>	52
Глава третья. Детство Фазиля	59
Книжный мальчик в горах и на море	59
Одиночка в школе	70
Шекспир в Чегеме	75
<i>Диалог авторов</i>	80

Глава четвертая. Его университеты	86
Невеселая Москва	86
В Библиотечном	93
Из библиотеки в литературу	100
<i>Диалог авторов</i>	109
Глава пятая. Брянск — Курск — Сухуми	113
Во глубине России	113
Дебют в прозе	126
Первая книга	130
<i>Диалог авторов</i>	138
Глава шестая. Абхазия — Москва	141
Новые книги, старый город	141
Фазиль женится	151
<i>Диалог авторов</i>	163
Глава седьмая. Начало шестидесятых:	
вертикальный взлет	167
Проза начинается	167
Настоящий писатель и его семья	187
<i>Диалог авторов</i>	194
Глава восьмая. Созвездие Козлотура	196
Звёзды зажигаются	196
Судьба «Козлотура»	208
Отзвуки и оценки	213
<i>Диалог авторов</i>	218
Глава девятая. Конец шестидесятых —	
начало семидесятых: на пути к «Сандро»	221
Один из немногих	221
Проза растёт	229
Против власти	236
<i>Диалог авторов</i>	243

Глава десятая. Сандро великий	247
Извилистый путь к читателю	247
Из чего состоит «Сандро»?	255
«Сандро» глазами читателей и писателей	263
<i>Диалог авторов</i>	271
Глава одиннадцатая. Искандер	
в «МетрОполе»	273
На советской вершине	273
Искандер-метрОполец	279
«Шел в комнату, попал в другую»	286
<i>Диалог авторов</i>	293
Глава двенадцатая. Начало восьмидесятых:	
в опале	298
Церковь, ребенок и дача	298
«Кролики и удавы»	309
<i>Диалог авторов</i>	319
Глава тринадцатая. Конец восьмидесятых:	
Фазиль на вершине	324
Новые / старые книги	324
Роман с кино	332
Путешествия в Америку и политику	340
<i>Диалог авторов</i>	350
Глава четырнадцатая. Девяностые: утраченные	
иллюзии	353
Награды и война	353
Кино и книги девяностых	364
Жилищный вопрос и ответ	373
<i>Диалог авторов</i>	376
Глава пятнадцатая. Осень патриарха	380
Премии, награды и немного политики	380

Поздняя проза	385
А вот и Чик	394
Последние дни	397
<i>Диалог авторов</i>	405
Приложение. Глас народа	408
Примечания	430
Краткий указатель произведений	
Фазиля Искандера, упомянутых в книге	440
Указатель имен	441

Эх, какой это был замечательный праздник, на который собралась «вся Москва», – не столько постсоветская, сколько еще та, советско-имперская. Как проникновенно выступали в Театре им. Вахтангова знаменитые деятели культуры, официальные лица, абхазские дети и взрослые джигиты! Не хуже, чем солист ансамбля песни и пляски Пата Патафая, – и в жизни, и в книге, и в фильме по некогда запрещенной главе из «Сандро из Чегема» под названием «Пирры Валтасара».

Это был 1999 год. Великому писателю исполнилось семьдесят лет. Всем уже стало ясно – кому не было ясно до сих пор: перед нами живой классик. Может быть, самая бесспорная величина в русской литературе второй половины века.

Век вскоре после юбилея и закончился. После этого Бог дал Искандеру еще шестнадцать лет земной жизни. Но главные свои труды Мастер уже завершил. Они бесценны. И во многом загадочны – как и сама судьба мальчика с имперской окраины, сына перса и абхазки, ставшего, не имея ни капли русской крови, классиком русской литературы.

Предуведомление

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: На наших глазах мир сходит с ума. Не тот советский, что «во всём мире» плюс «дружба народов», а МIP вообще. Распад! Америка, что всегда была светом в окошке для уставших от «развитого социализма» россиян, целует ботинки неграм и бежит, теряя обмундирование, из Афганистана. Чопорная Англия, как и прочие пуританские страны, охотно венчает однополых, изящная Франция громит собственные архитектурные объекты. Шпана хулиганит по всей Западной Европе. Очень странная пандемия загоняет всю планету в тюрьму. Вранье, фейки, науськивание. Сирия. Украина. И так далее. Нам это надо?

МИХАИЛ ГУНДАРИН: Нам это не надо. Но при чем здесь Фазиль Искандер, который ушел из жизни пять лет назад?

Е.П.: А при том, что я всё время думаю о нем, вспоминаю наши общие дела, встречи, разговоры — и медленно начинаю понимать, что он, пожалуй, был главной литературной персоной конца XX века, противостоящей этому распаду. Он не «пас народы», не командовал, не лез в учителя, идеологи или «властители дум», но он ЗДРАВО МЫСЛИЛ и умел излагать эти мысли на бумаге. С помощью своих великих персонажей и Богом ему данного писательского таланта.

М.Г.: Но в это же время существовали Аксенов, Шукшин... Солженицын, наконец, чья главная книга потрясла мир почище, чем «Десять дней, которые потрясли мир» американца Джона Рида, которого Ленин велел похоронить на Красной площади у Кремлевской стены...

Е.П.: Солженицын — это отдельная тема. Перефразируя Евушенко, можно сказать, что он в России «больше, чем писатель». А вот Аксенов и Шукшин — да. Два великих Василия русской литературы. Фазиль — третий великий. Ведь при крещении в православную веру он взял имя Василий, созвучное имени Фазиль. А «фазиль» в переводе с арабского означает «талантливый, образованный». Видите, всё совпадает. Даже значение каждой буквы в имени:

Ф — умение приспособливаться, нежность, оригинальность идей, способность приврать;

А — сила и власть;

З — склонность к сомнениям, материальные трудности, неудовлетворенность, высокая интуиция;

И — впечатлительность, реализм, тонкая духовность, миролюбие;

Л — логика, изобретательность, музыкальность;

Ь — способность к классификации, раскладыванию по полочкам.

Понимаете, великий Аксенов — певец распада России, исследователь ее мерзостей и таинственных воспарений, многим казавшийся стилигой, «штатником» и баловнем судьбы. Великий Шукшин — плоть от плоти, душа народная, которая «не жалеет, не зовет» и пытается не плакать. А великий Искандер — ДРУГОЙ. Он не подвержен сиюминутному, непродуманному, невыверенному, не оснащенному вековой мудростью предков. Он — препятствие на пути хаоса, он не склонен к экзальтации, преувеличениям, истерике. Он за эволюцию, а не за «бунт бессмысленный и беспощадный». Родившийся на Кавказе, Искандер — писатель ИМПЕРСКИЙ, и ничего дурного в этом определении нет. Ведь в эпике крохотного горного села Чегем как в капле воды отрази-

лись все страсти минувшего века, сюжеты существования людей на огромном имперском пространстве от Владивостока до Калининграда, в которое и Кавказ входит, и Средняя Азия, и Сибирь, и Дальний Восток.

Искандера читающая интеллигенция воспринимала сначала как красивого, но среднего поэта из плеяды «Юности», потом — как сатирика / юмориста / анекдотчика / антисоветчика типа Владимира Войновича. И лишь время определило его подлинный масштаб.

Если искать приблизительные поэтические аналоги, то Аксенов — это будет вам Маяковский конца XX века, Есенин обернется Шукшиным, а Искандер окажется скорее Пастернаком, чем Мандельштамом. Ведь он, подобно автору «Доктора Живаго», страдал только за свои тексты, с сильными мира сего дружбу не водил, существовал — с их милостивого разрешения — где-то чуть-чуть в сторонке от крутых реалий действительности, на периферии советского «литературного процесса», диссидентом не был, не спился, не застрелился, слава богу!.. Временами был очень мрачен, если не сказать депрессивен, иногда хохотал своим неповторимым искандеровским смехом.

Его настоящая слава и известность начались на следующий же день после публикации в «Новом мире» повести «Созвездие Козлотура». До этого он был лишь «широко известен в узких кругах». Он не был в числе тогдашних властителей дум — Ахмадулиной, Вознесенского, Евтушенко, Окуджавы, Рождественского. Он стал знаменитым — после «Козлотура», а вот когда приобрел ВЕЛИЧИЕ — трудно сказать. Скорей всего, в 1979 году, после публикации в американском «Ардисе» полного, а не усеченного текста «Сандро из Чегема».

Помню 1979 год. Я пировал на его пятидесятилетии в скромном ресторанчике около метро «Профсоюзная», где тамадой был высокий седобородый Лев Зиновьевич Копелев, которого на следующий год власть выставила за пределы СССР, напоследок угостив фронтовика и сидельца фельетоном «Иуда в роли Дон Кихота».

Думаю, в 1989 году шестидесятилетнему Фазилю было не до юбилеев. Именно в этом году он был избран от оппозиционных сил в тогдашний Верховный Совет СССР, и на два года, единственный раз в жизни, погрузился в политику. Заседал вместе с Андреем Сахаровым, Гавриилом Поповым, Юрием Афанасьевым. Интересно, эти имена что-нибудь говорят сегодня молодым читателям? После самороспуска Верховного Совета в 1991 году никогда больше политикой, слава богу, не занимался.

Так что НАЧАЛО АПОФЕОЗА Фазилия Искандера я отношу к 1999 году. Как легко, раскованно, весело чувствовали себя зрители в зале театра им. Вахтангова! Помню, например, как Юрий Петрович Любимов непонятно зачем пытался всучить юбиляру огромную бутылку водки, которую потом оберегал от неизвестно чьих поползновений абхазский физик и предприниматель Руслан Джопуа, верный друг семейства Искандеров, литературный секретарь Фазилия и помощник депутата во время недолгого «хождения» того во власть.

М.Г.: Моему — последнему советскому — поколению, рожденному на рубеже семидесятых, Искандер стал известен в восьмидесятые. Первым, что я прочитал у Искандера, были «Кролики и удавы». Вещь, нашумевшая даже среди прочих хитов перестройки, но воспринимавшаяся именно в тогдашнем ключе — как высмеивание и ниспровержение. Так, да не так. В этой книге была, во-первых, мысль, а во-вторых, чувство. Мне было лет двадцать, но я и тогда это почувствовал очень четко. Теперь «Кролики...» уже воспринимаются не как уничижительная сатира, но как довольно грустное и пророческое описание универсалий — и власти, и подчинения. Мало того что кролики и удавы, в сущности, составляют симбиотическое единство — едины и страны, и исторические ситуации, в которых разыгрываются все эти игры. Теперь-то, пожив и при социализме, и при капитализме, побывав много где, мы видим, как высоко этот пик возносится над мутным потоком «абличительной» литературы восьмидесятых. Искандер мудр и в этой книге. Как обычно, мудрость эта и ненавязчива, и глубока. Полагаю, известность «Кроли-

ков...» перехлестнула известность «Созвездия Козлотура», вещи лиричной, открывающейся не всем. Ну и, конечно, была довольно курьезная популярность Искандера по трэш-боевику Юрия Кары «Воры в законе», где в основе пара историй из чегемского цикла. Вот уж где не было почти ничего искандеровского! Но зато скандальная лента подвигла многих прочитывать рассказы о Чегеме. И тут грустный вопрос-рассуждение: рассказы прочитаны многими, но прочитан ли великий роман «Сандро из Чегема» именно как цельная вещь? Как новый эпос, вклад русской литературы в мировую литературу второй половины XX века?

Е.П.: Здесь сказывается разница в нашем возрасте. Для моего поколения, особенно для юных читателей, пребывавших тогда в так называемой провинции, «Созвездие Козлотура» было тем глотком свободы, что необходим для выживания в тоталитарной стране. До «Кроликов и удавов» было еще далеко. Напомним, что год публикации «Созвездия» — 1966-й. Тогда хитом инкомыслия был лишь великий «Один день Ивана Денисовича». Самиздат (Копелев, Кёстлер, Оруэлл, Волков, Шаламов) до моего Красноярска практически не доходил. «Затоваренная бочкотара» — не ПОЛИТИЧЕСКАЯ, а чисто ИНАКОХУДОЖЕСТВЕННАЯ повесть Аксенова — появилась двумя годами позже, «Странные люди» Шукшина — в начале семидесятых. Даже об Андрее Платонове мы тогда только слышали, хотя знаменитое его «Избранное» с предисловием Федота Сучкова, где был напечатан «Город Градов», вышло в 1966-м. Но достать его было невозможно. Равно как и переизданных Бабеля, Олешу, Федора Сологуба. Не говоря уже о платоновских «Чевенгуре», «Котловане», о Добычине и Хармсе. Понимаете, «Сандро из Чегема» даже с изъятыми цензурой главами нас тогда очень устраивал. Потому что это была ДРУГАЯ, но литература, мировая литература, а не «вся-то наша жизнь есть борьба». Вот почему — каюсь — я люблю ВСЁ, написанное Искандером, а «Кролики и удавы» показались мне слишком злободневными, ПУБЛИЦИСТИЧНЫМИ. Я в начале восьмидесятых уже чего-то другого искал. И, пожалуй, не один я... Вспомнил, как на чьей-то квартире замечательный поэт